

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт международного
сотрудничества

Направление подготовки

Профиль

Кафедра «Русский язык как
иностраный»

45.03.02 Лингвистика

«Теория и практика межкультурной
коммуникации»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

ФИТОНИМЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Студент

Руководитель

Нормоконтролер

Рецензент – д.ф.н., доцент

Т. Н. А.

В. В. Ш.

Е. А. П.

С. В. К.

Аджар Толгахан

В.В. Шмелькова

Е.А. Пескова

С.В. Кезина

Работа допущена к защите в ГЭК (протокол заседания кафедры от 17.05.17 № 10)

Заведующий кафедрой

В. В. Ш.

В.В. Шмелькова

Работа защищена с отметкой отлично (протокол ГЭК от 29.06.17 № 1)

Секретарь ГЭК

О. О. Е.

О.О. Есафьева

Пенза 2017 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава I Фитонимы как особая лексическая группа в современном русском языке.....	5
1.1. Понятие о фитонимах.....	5
1.2. Лингвокультурный потенциал фитонимов русского языка...6	
Глава II Тематические поля фитонимов русского языка.....	10
2.1. Тематическое поле фитонима «Берёза».....	10
2.2. Тематическое поле фитонима «Дуб».....	18
2.3. Тематическое поле фитонима «Липа».....	25
2.4. Тематическое поле фитонима «Клён».....	31
2.5. Тематическое поле фитонима «Ива».....	37
2.6. Тематическое поле фитонима «Осина».....	41
Заключение.....	42
Библиографический список.....	43

Введение

Одним из интересных компонентов современной русской языковой картины мира являются фитонимы – слова, которые называют различные растения: травы, цветы, деревья и т.д. В каждом языке много лет назад сложилась система наименований растений. В русском языке имеется также большая группа фитонимов.

Как правило, это старые слова, которые давно функционируют в русском языке, у которых сложилась устойчивая система ассоциативных и семантических связей.

Цель работы – описать и проанализировать участок русской языковой картины мира – фитонимы – с точки зрения носителя турецкой лингвокультуры.

Объект исследования – слова-фитонимы русского языка, их ассоциативные и семантические связи.

Предмет исследования – названия деревьев в русском языке и особенности их функционирования.

Для анализа мы взяли тематическое поле, где доминантами (главными словами) являются слова – названия важных с точки зрения русского человека деревьев:

- берёза,
- дуб,
- липа,
- клён,
- ива,
- осина.

Материалом исследования послужили тексты: пословицы, стихи русских поэтов (А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина и других), другие тексты русской литературы.

Фитонимам посвящено мало исследований. Мы попытались в своей работе объединить собственно лингвистический и лингвокультурологический подходы, что составляет **научную новизну** исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании ассоциативных и семантических связей фитонимов в лексической системе современного русского языка.

Практическое значение данного исследования состоит в возможности использования материалов в учебном процессе при изучении русского языка иностранными студентами (в практическом курсе русского языка, в курсе филологического анализа текста и т.д.).

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава I. Фитонимы как особая лексическая группа в современном русском языке

1.1. Понятие о фитонимах

Фитонимы – особая тематическая группа лексики современного русского языка, включающая в себя названия различных растений: трав, цветов, кустарников, деревьев и т.д.

Лексико-тематическая группа фитонимов сформировалась в русском языке, как и в других языках, достаточно давно. В ней имеются слова разного происхождения: заимствованные, общеславянские и образованные непосредственно в русском языке.

Фитонимы обладают широкими ассоциативными связями.

1.2. Лингвокультурный потенциал фитонимов русского языка

Как уже было сказано ранее, в работе мы описали и проанализировали тематические поля, в которых доминантами являются названия деревьев.

Это деревья, которые часто встречаются практически во всех регионах России, всем русским людям они хорошо известны, с ними у русских связаны прочные ассоциативные связи:

Берёза – белая берёза,
стройная берёза,
белокожая берёза,
младая берёза,
скромная берёза,
невинная берёза,
грациозная берёза и др.

Самых частотных определений, эпитетов к слову берёза около 20. Берёза в русской языковой картине мира ассоциируется, главным образом, с девушкой, невестой, молодая, чистая, скромная т.д. Это одно из самых любимых русскими деревьев, один из символов России.

В русской литературе есть немало поэтических строк о берёзе, которые подтверждают важность этого символа для русского человека:

Люблю берёзу русскую,
то светлую, то грустную...
то ясную, кипучую,
то грустную, плакучую

(А. Прокофьев)

Ещё одна из самых важных ассоциаций, связанных с берёзой – грусть:

Зелёная причёска,
Девическая грудь,
О тонкая берёзка,
Что загляделась в пруд?

(С. Есенин)

Ассоциативные образы, сложившиеся на протяжении веков с этим деревом (и непосредственно со словом, обозначающим это дерево) показывают образные возможности, воплощённые в русском языке.

Второй по частотности употребления фитоним русского языка – дуб.

Самые частотные определения этого слова имеют также ассоциативный характер:

Дуб - крепкий,

могучий,
высокий,
маститый,
но также: - уединённый,
одинокый.

Эти ассоциации отразились в художественных произведениях:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов...

(А. С. Пушкин)

Надо мной чтоб, вечно зелёная,
Темный дуб склонялся и шумел

(М. Ю. Лермонтов)

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин,
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

(Н.А. Заболоцкий)

Именно дуб в русской языковой картине мира – символ жизненной
мощи, символ крепости и мужественности.

Особое место в русской языковой картине мира занимает липа.

Липа - тёплая,
мягкая,

густая,
вековая,
манящая.

Липа - часть тенистой липовой аллеи:

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

(А.К.Толстой)

Люблю заброшенный и запустелый сад
и лип незыблемые тени

(И.С. Тургенев)

Также предполагается описание тематического поля «клён».

Клён – тенистый,
заледенелый (у С.Есенина),
свежий,
таинственный.

Образа клёна, такого, какой сложился для фитонимов берёза, дуб, липа в русском языке нет, но он определенным образом сложился в поэзии С.Есенина (*клён танцует пьяный, старый клён на одной ноге* и т. д.)

Ива – в русской языковой картине мира – плакучая,
гибкая,

трепетная,
задумчивая,
горестная и т. д.

Ива – образ грустной, плачущей девушки, женщины.

Осина – мистическое дерево, связанное ассоциативно с потусторонним миром, миром колдовства и мистики, но в то же время в ассоциотивных связях имеется компонент горькая.

Таким образом, описание и исследование фитонимов показывают, насколько многообразна современная русская языковая картина мира.

Глава II Тематические поля фитонимов русского языка

2.1. Тематическое поле фитонима БЕРЕЗА

В поэзии первой половины прошлого века мы находим краткие и не особенно выразительные упоминания об этом дереве: "семья молодых берез" - у В.Жуковского, "под сению берез ветвистых" - у Е.Баратынского, "чета белеющих берез" - у М.Лермонтова. Правда, в стихотворении "Родина" Лермонтов закрепляет за березой более общий смысл - одного из символов всей России. Именно в таком качестве - как "русское дерево" - и начинает восприниматься береза по мере развития национального самосознания:

Средь избранных деревьев береза
Непоэтически глядит;
Но в ней - душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, береза, словно
От милой матери письмо.

Здесь П.Вяземским ("Береза", 1855) вводится характерный мотив: береза как знак родины на чужбине или как примета возвращения на родину, словно бы издалека земля манит своим светлым лучом. (Прозаически это запечатлелось еще в письме Пушкина: "Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось".) Интересно сопоставить два стихотворения Н.ОГАРЕВА - "Дорога" (1841) и "Береза в моем стародавнем саду..." (1863). Если в первом, написанном на родине, береза выступает как часть унылого скучного пейзажа: "Белые с морозу, // Вдоль пути рядами // Тянутся березы // С голыми сучками. // <...> // Я в кибитке валкой // Еду да тоскую: // Скучно мне да жалко // Сторону родную", - то во втором, созданном на чужбине, это дерево приобретает поэтический облик, как сохраненная в душе связь с родиной и детством: "Береза в моем стародавнем саду // Зеленые ветви склоняла к пруду. // Свежо с переливчатой зыби пруда // На старые корни плескала вода".

С тоской по родине у многих поэтов связано развитие того поэтического мотива, который был впервые найден Вяземским.

Береза родная, со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал.

(К.Бальмонт. "Береза")

Даже В.Маяковский, в целом отрицательно относившийся ко всякой национальной символике (отзыв о Л.Собинове, который поет романс на есенинские стихи "под березкой дохлой"), в одном из заграничных стихотворений отдал дань этой традиции:

Конечно, -
березки,
снегами припарадясь,

в снежном
лоске
большущая радость.

("Они и мы")

У многих поэтов береза с ее склоненными ветвями, названная "плакучей", олицетворяет горечь и страдание. "Как вдова, бледна от слез, - тяжела-де участь злая"; "вихрастые макушки никлых, стонущих берез" (Н.Клюев); "никнут купы плакучих берез", "плакучею, заплаканной березой над полями" (А.Прокофьев). У А.Фета береза ассоциируется со страдальческой долей родной страны:

Березы севера мне милы, -
Их грустный, опущенный вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.

("Ивы и березы")

Если бы береза выступала только в плакучем облике, она мало отличалась бы от ивы. Но в березе есть и другая эмоциональная и символическая значимость - весенняя, ликующая. В древних языческих обрядах береза часто служила "майским деревом" (подобно тому, как ель - "декабрьским", "новогодним"): вокруг березы весенним праздником, который назывался семик, или зеленые святки, водили хороводы, наряжали ее разноцветными лентами. Недаром, как отмечает В.Даль, белую березу

называют "веселкой". На ней сплетали ветки в косички, уподобляя молодой девушке, надевали венки. Обряды эти были девичьими, мужчины к ним не допускались. "Действия с березкой не всегда ограничивались ее завиванием. Березку срубали, украшали лентами, бусами, платками и пр., ходили с ней по деревне. <...> Когда березку полностью одевали, девочка подлезала ей под юбку, брала ее за ствол и двигалась впереди хоровода; получалось впечатление, что береза идет и пляшет сама" (1). Березку часто рядили в девичье платье: надевали кофту, юбку, фартук, на голову платок или кокошник, - и называли такое заплетенное дерево "девичьей красой". Отсюда известные семикские песни:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,..
Я, млада девица, загуляла,
Белую березу заломала...

...Сама я березынька,
Сама я оденуся...
Надену платьишко,
Все зеленое...
Все шелковое...

Если географическая, так сказать, представительность березы была прочувствована во второй половине XIX века, то ее связь с историческими корнями, с древними обычаями, сохранившимися, впрочем, еще и до наших дней, была воспринята поэзией лишь в начале XX века, когда активно возрождается в общественном сознании и в художественном творчестве интерес к древней, дохристианской, языческой Руси. Одним из первых проявлений этого интереса были поэтические сборники С.Городецкого "Ярь" и "Русь", в которых есть стихи и о березе:

И сам Ярила пышно увенчал
Концы волос зеленой кроной
И, заплетая, разметал
В цвету лазурном цвет зеленый.

("Береза")

Ярила - божество весеннего плодородия у древних славян. Завивая и заламывая березу, воплощавшую женское плодоносящее начало, славяне во время зеленых святок пробуждали плодоносящую силу самой земли. Это очеловечивание, "оженствление" облика березы, данное у Городецкого еще в непосредственной связи с символикой обряда, в творчестве Есенина достигает полного развития и реализма подробностей. Если клен - герой его "растительного романа", то береза - героиня.

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

("Зеленая прическа...")

Вернулся я в родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.

("Мой путь")

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

("Мелколесье. Степь дали...")

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщевый ее сарафан.

("Ты запой мне ту песню, что прежде...")

Береза, какой она предстает у поэта, похожа на майское деревце русских народных обрядов: ветки заплетены в косы, ствол обряжен в холщовый сарафан или белую юбку. Но это не ритуальное, а метафорическое перевоплощение. Сама березовая крона и ствол делают ее похожей на молодую женщину, заглядевшуюся в пруд, как в зеркало. Благодаря ЕСЕНИНУ образ женственной березки вновь обрел распространение в сознании народа - уже после того как соответствующий обряд почти вышел из употребления. Но образ, созданный Есениным, потому и смог стать всенародным, что занял как бы подготовленное для него многовековой традицией и освобожденное к началу XX века место.

После Есенина береза широко вошла в лирический репертуар советских поэтов. Типическим примером может служить стихотворение С.Щипачева "Березка": "Ее к земле сгибает ливень // почти нагую, а она // рванется, глянет молчаливо - // и дождь уймется у окна". Березка здесь - воплощение верности, она не поддается ни бурану, ни ливню: "Но, тонкую, ее ломая, // Из силы выбьются... Она, // видать, характером прямая, // кому-то третьему верна". Слабость этого и других подобных опытов в том, что пейзаж сводится к прямой аллегории человеческого характера.

Образ березы в русской поэзии многозначен: в нем и грусть опущенных ветвей, и свет, исходящий от ствола, - светлая грусть, которой овеяно это северное дерево. Если обозначить крайности в изображении

березы, то их резкое, прямое совмещение дано в двух стихотворениях И.Анненского "Весна" и "Осень", объединенных общим названием "Контрафакции". В первом стихотворении – у сухой, черной березы встречаются влюбленные:

В майский полдень там девушка шляпу сняла,
И коса у нее распустилась.
Ее милый дорезал узорную вязь,
И на ветку березы смеясь,
Он цветистую шляпу надел.

Это один из первых в новой русской поэзии опытов воскрешения ритуального значения березы как майского дерева, причем обряд возникает вне связи со всякой фольклорной средой - в городской обстановке, тем ценнее значение "невольной" реминисценции, как бы прорывающейся сквозь чуждые культурные слои. Береза превращается в девушку, обряжается в "цветистую шляпу".

А к рассвету в молочном тумане повис
На березе искривленно-жуткий
И мучительно-черный стручок,
Чуть пониже растрепанных гнезд,
А длиной - в человеческий рост...
И глядела с сомнением просинь
На родившую позднюю осень.

Береза как майское "невестящееся" дерево и как запоздало родившая осень, принеся мертвый плод, - вот символические пределы в осмыслении образа.

Более простое, фольклорно целое обобщение образа березы во всей контрастности ее эмоциональных значений находим у А.Прокофьева:

Люблю березу русскую,
То светлую, то грустную...
То ясную, кипучую,
То грустную, плакучую.

("Россия")

У березы много поэтических возможностей, образных оттенков, которых мы не упомянули. Есть устойчивое, например, сравнение ее ствола с молоком.

У С.Есенина в стихотворении "Пойду в скуфье смиренным иноком...": "туда, где льется по равнинам // Березовое молоко". У В.Соколова в "Напеве": "Нас может счастьем наполнить // Берез парное молоко".

Есть образы, которые, по-видимому, уникальны. Например, крапчатость березы, чередование в ней черных полосок на белом фоне послужило основой двух совершенно разных метафор, каждая из которых точно выражает поэтическую индивидуальность своего автора: у С.Есенина - "березовый ситец", у А.Вознесенского - "протяжные клавиши" ("...наверно надо быть летящим, // чтоб снизу вверх на ней сыграть").

Легкий, парящий силуэт березы, столь согласный и контрастирующий, с ее плакучей кроной, действительно создает богатую клавиатуру образных возможностей и позволяет найти необходимую тональность для передачи самых разных, даже противоположных чувств, которые вызывает в нас русская природа.

Пословицы о березе

Бела береза, да деготь черен.

Яблоко к подножию березы не упадет.

Березой обогреешься, а не оденешься.

Где дубняк, так и березняк.

Береза не угроза – где стоит, там и шумит.

Ельник, березник — чем не дрова? Хрен да капуста — чем не еда?

Горячему охотнику и березовый пень зайцем.

Горбатую березу распаришь да поправишь, а дурного человека хоть парь, хоть май, все таким останется.

Каковы березки, таковы и отростки.

Я тебя, березонька, не хаю, не хвалю.

Скрипучая береза дольше стоит.

Узнаешь вкус березовой каши.

2.2. Тематическое поле фитонима ДУБ

Все то, чем дерево выделяется среди других форм растительности (крепость ствола, могучая крона), выделяет дуб среди других деревьев, делая как бы царем древесного царства. Он олицетворяет собой высшую степень твердости, мужества, силы, величия. Именно эта ясность исходного смысла сделала образ дуба особенно популярным на ранних этапах поэзии, а затем ослабила его значимость, когда образный строй стал усложняться и преодолевать однозначность фольклорно-аллегорического мышления.

Зачин к поэтической "истории" дуба - стихотворение А.Мерзлякова (1810):

Среди долины ровныя
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий, могучий, цветущий - характерные эпитеты дуба, который и у других поэтов первой половины XIX века выступает как образ жизненной мощи.

У А. С. Пушкина:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

("Брожу ли я вдоль улиц шумных...")

- дуб символизирует неистощимость жизни - он растет на кладбище, приюте смертных, напоминая о бессмертии природы:

Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

("Когда за городом, задумчив, я брожу...")

У М.Лермонтова образ дуба выступает в том же значении вечной жизни, преодолевающей холод могилы. Лирический герой хочет заснуть не мертвым, но живым сном - и тогда, погружаясь в забытие, как бы соединяется с бытием вечно зеленого дуба:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

("Выхожу один я на дорогу...")

У Ф.Тютчева дубы, растущие на курганах, знаменуют жизнь, вольную, равнодушную к смерти, как бы олицетворенную мощь вечнорождающей природы:

Красуются, шумят - и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

("От жизни той, что бушевала здесь...")

Если у Пушкина и Тютчева дубы растут над могилами как неукротенная, непресеченная воля земли, а у Лермонтова знаменуют даже преодоление самой могилы, некое странное состояние, где жизнь продолжается во сне, то у Е.Баратынского, именно в образе дубов, как бы переросших сам земной предел, жизнь продолжается и после смерти:

Где в сладостной тени невянувших дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне встречу.

("Запустение")

Но именно долговечность дуба позднее поэтами начинает восприниматься как старость (А.Фет. "Одинокий дуб"; А.Майков. "Маститые, ветвистые дубы..."). В поэзии второй половины XIX века преобладает мотив отъединенности дуба от молодой жизни, которая бушует вокруг, - словно бы сама поэзия вошла в новый возраст и иными глазами увидела это гордое дерево.

От темного леса далеко,
На почве бесплодно-сухой,

Дуб старый стоит одиноко,
Как сторож пустыни глухой.

(И.Никитин. "Дуб")

В поэзии XX века дуб утратил свою популярность. Видимо, этот образ, наделенный традиционной семантикой мощи, был далек от символистической поэтики, требовавшей образов условных, но лишенных аллегорической однозначности. Даже в поэзии Есенина, изобилующей древесными мотивами, отсутствует этот кряжистый великан; он был психологически чужд лирическому "я" поэта, которое находило себе выражение в образе клена.

У Н.Заболоцкого намечаются новые пластические и философские возможности интерпретации. Прежде всего, дуб - воплощение даже не мужества, но самой битвы, когда он противоборствует ветру: "был битвой дуб", "дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже" (ср. у М.Цветаевой: "Дуб богоборческий! В бои // Всем корнем шествующий!"). В стихотворении "Одинокий дуб" поэт подчеркивает не просто одиночество, но мужественность, воинственность дуба:

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

Именно бушевание дуба – роенье корней, качанье крон – предпочитает изображать советская поэзия, с ее пафосом богатырства. У П.Васильева - "август роется во тьме дубовыми могучими когтями"; у Б.Корнилова - "ходит дубрава - // даже оторопь сразу берет - // и налево идет, и направо, // и ревет, наступая вперед"; у Л.Мартынова (иронически) - "О

дуб, великий князь дубрав. // Бушуешь ты, огромный, темный, // Под
стынувшими небесами..."

Именно потому, что дуб - символ жизненной мощи, его увядание, болезнь производят вдвойне томящее впечатление, как будто могила, над которой растет дерево-великан, приняла его в свои недра.

Еще у Пушкина в "Русалке" осыпавшийся дуб возвещает о таинственной силе зла, вторгшейся в душу князя и разрушившей мир его любви: "Ах, вот и дуб заветный, здесь она, // Обняв меня, поникла и умолкла... <...> // Возможно ли?.. // <...> // Что это значит? листья // Поблекнув, вдруг свернули и с шумом // Посыпались, как пепел, на меня. // Передо мной стоит он гол и черен, // Как дерево проклятое".

У Э.Багрицкого заржавленный, осыпающийся дуб - образ иссякшей жизненной силы: "Мы ржавые листья // На ржавых дубах... // Чуть ветер, // Чуть север - // И мы облетаем" ("От черного хлеба и верной жены...")

У Ю.Кузнецова могильная нечисть прорывается в тело дуба, опустошает его изнутри – и цепкими корнями мертвит всю округу:

Неразъемные кольца ствола
Разорвали пустые разводы.
И нечистый огонь из дупла
Обжигает и долы и воды.

Изнутри он обглодан и пуст,
Но корнями долину сжимает.
И трепещет от ужаса куст,
И соседство свое проклинаят.

("Дуб")

Дуб оказывается пристанищем смерти. Такое переворачивание иносказательного смысла заложено в самой двойственной или, как принято говорить, амбивалентной природе поэтического образа. Дуб растет над могилой - и по отношению к ней является носителем жизни, но по отношению к окружающей растительности может восприниматься как вестник смерти, "могильное дерево" (точно так же впоследствии выявится двойственная семантика березы – "грустной" и "светлой").

Таким образом, дуб в русской поэзии, как и в мировом фольклоре, символизирует жизненную мощь, преодолевшую смерть, именно поэтому омертвление дуба выступает как зловещий признак распада жизни, вторжения демонических сил в ее святилище.

Пословицы про дуб

Дуб — великое, могучее дерево. Когда хотят подчеркнуть чью-то силу, говорят: «Крепок, могущественен, как дуб».

Старый дуб не скоро сломится.

Даже дуб в одиночестве засыхает, а в лесу живёт века.

Держись за дубок: дубок в землю глубок.

Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын.

Дятел и дуб продавливает.

Не срубишь дуба, не отдув губы.

Замахнулся на дуб, а сломил былинку.

Крепок, как дуб.

Был дуб, а стал сруб; время придёт — и того не будет.

Как бы на хмель не мороз, так бы через дуб перерос.

С дуба лык не надерешь.

Наше авось не с дуба сорвалось.

Дуб распускается всегда при северном ветре.

С дуб выросла, а ума на грош не вынесла

В поле не в дуброве: за сук не зацепишь.

Велик дуб, да дупляст, а мал дуб, да здоров.

С дуба яблочка не снимешь.

С дуба свалился.

Умному — намек, глупому — дубина.

Зашумела мать зеленая дубравушка.

В лесу дуб — рубль, в столице — по рублю спица.

Дал бог сыночка, дал и дубочка.

Дубовую голову не проймешь словом, надо колом.

Дуба плоды только свиньям годны.

Дуб стар, да корень свеж.

Буря дуб свалит, а тростник устоит.

Дуб свой рост неспеша набирает.

Если стадо разом заревет у дуба - дуб свалится.

Кабан хот и сыт, а мимо желудя не пройдет.

Много желудей на дубе - к лютой зиме.

2.3. Тематическое поле фитонима ЛИПА

Если береза и рябина - деревья "ностальгические" в том смысле, что на чужбине они напоминают родину, то липа ностальгична не в географическом, а в историческом измерении. С ней связано прошлое России, память о классическом девятнадцатом столетии, о дворянской культуре. Собственно, уже в самом XIX веке, у Тургенева, Огарева липа стала деревом воспоминания, как бы обращенным к прошлому, воплощением элегических усадебных мотивов.

Люблю заброшенный и запустелый сад

И лип незыблемые тени...

- пишет Тургенев в стихотворении "Деревня". Огарев в "Обыкновенной повести" соединяет "темных лип аллею" с юностью и любовью своих героев; не случайно строчка из этого стихотворения дала заглавие книге Бунина "Темные аллеи", насквозь ностальгической, посвященной покинутой родине и безвозвратно ушедшей юности.

Именно тенистость липовой аллеи как бы погружает в темную глубину памяти, а душистый запах способен проникать в самые дальние ее закоулки. Запах легко навеивает воспоминания, не локальный, камерный, а именно запах окружения, среды, будь это горьковатый запах дыма или сладкий запах липы. Это связь лип с воспоминанием объясняется в стихотворении Фета "В саду":

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда дышало мое детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно...

Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.

Слово "память" почти неизбежно возникает рядом с упоминанием о липах:

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

(А.К.Толстой. "Ты помнишь ли, Мария...")

И далее – "безмолвные аллеи", "заглохший сад", длинный ряд портретов в высокой галерее, вся атрибутика дворянской усадьбы - все, что кануло в прошлое: "Ты помнишь ли, Мария, // Утраченные дни?" Эта обращенность к прошлому объясняется еще и тем, что липа, одно из самых

долгоживущих деревьев, не только напоминает своим запахом о прошлом, но и сама помнит далекую старину, как ровесница предков, как воплощенная память. Изначальный пушкинский лаконичный эпитет "липы престарелые" ("Городок") как бы предопределил дальнейшую судьбу образа. У А.К.Толстого липы названы "вековыми"; у Огарева - "глядят из-под седых волос // Печально липы стариками"; у Пастернака липы "в несколько обхватов // Справляют в сумраке аллей, // Вершины друг за друга спрятав, // Свой двухсотлетний юбилей". И закономерно то "сезонное" смешение в образе лип, которое мы наблюдаем у Есенина:

"Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип".

("Песни, песни, о чем вы кричите...")

Липы переносятся в обстановку осени или зимы - как усталая память отжившего, безнадежная охладелость и омертвелость:

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы -
На этих липах снег да иней.

("Какая ночь! Я не могу...")

Сами цветы на липовых деревьях могут восприниматься как снег или иней - настолько с ними связаны мысль о прошлом, об увядании всего

живущего. От лип веет холодом не только потому, что они тенисты, но и потому, что они как бы уводят из настоящего, на них остылость прошедшего.

Однако с образом лип связана и особая знойность лета, насыщенная горячим запахом, гудением пчел. Державин, одним из первых воспевавший липы в стихотворении "Лето", представляет их именно как жаркое и блистающее дерево:

Липовая роща, как жар, возблистала
Вокруг меда листом.

У Пастернака в стихотворении "Балашов": "В природе лип, в природе плит, // В природе лета было жечь"; в "Липовой аллее": "Горят, закапанные воском, // Цветы, зажженные дождем". У Твардовского:

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Душит - как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

("Чуть зацветет иван-чай...")

Липа зацветает позже многих других деревьев - в разгар лета (в среднем - 7 июля) - и оттого как бы пышет зноем. Мед, который добывают из нее пчелы, с давних пор ассоциируется с солнцем. Отсюда ощущение, что цветы липы горят, жгутся, блистают. Если листья создают прохладу, то медоносные цветы раскалены, гудят, словно провода под током.

Такая антиномность - свойство любого образа: у рябины - веселье и отчаяние, у березы - грусть и свет, у липы - холод и жар. Своеобразие мотива лежит именно в той плоскости, через которую проходят его антиномии. Липа - жаркое и холодное, блистающее и тенистое дерево, чего нельзя сказать ни про иву, ни про березу, ни про клен - там другие внутренние антитезы.

Своеобычность каждому образу придает не определенное качество, а сочетание полярных качеств.

В целом же липа остается в поэзии деревом воспоминаний. Липы Летнего сада и Царского Села - один из достопримечательных образов поздней поэзии Ахматовой, где она сознает себя законной наследницей петербургского классицизма и всей русской классики от Державина до Блока.

О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты,
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.

("Наследница")

Память поэтессы - биографическая и историческая - пробуждается "в душистой тиши между царственных лип". И современному поэту, лишенному аристократических корней, липы тоже говорят о прошлом:

Все как в добром старинном романе.
Дом в колоннах, и свет из окна.
Липы черные в синем тумане.
Элегическая тишина.

(В.Соколов)

Несмотря на признание: "... что за черт, я совсем посторонний // В этом желтом забытом саду", - что-то упорно влечет его героя в туманную тишь под липами, под которыми он бродит "как скрывающий происхождение, // Что-то вспомнивший аристократ". Что-то вспомнивший... Уже не

биографическая, но историческая память ведет современного лирического героя под своды вековых лип.

Пословицы про липу

Сосна кормит, липа одевает.

А орехи-то, оказывается, на липе растут.

Облупили, как липку, обобрали, как малинку.

На то, на что с липы лыко дерут.

Есть свято, с липы снято; по краешкам ремешки, а в середине сито.

Кто из-под дубка, а кто из-под липки.

Бары липовые, а мужики дубовые.

На липе сижу, сквозь клены гляжу, а березой ворошу.

Употчевали гостя липовым лещом.

Антипа не липа, а кожей платит.

Была липка, стала лукошка.

Сказка, присказка, прикована невестка к стульцу, к ножке, к липовой лутошке, к собачьей норе.

Антипа не липа: хоть луб содрал, да им не покрылся.

Употчевали гостя: поставили липовых лещей да горшок пустых щей.

2.4. Тематическое поле фитонима КЛЁН

В отличие от дуба клен не имеют столь определенного, сформированного и образного ядра в русской поэзии. Дело в том, что и в фольклорных традициях, связанных с древними языческими ритуалами, эти деревья не играли столь значительной роли. Поэтические воззрения на них в основном складываются в XX веке и еще не приобрели ясных очертаний, не выстроились в непрерывную традицию. Можно приблизительно определить то общее направление, в котором создается поэтическая образность клена и тополя. Если дуб - представитель кряжистой жизненной мощи, своего рода царь и мужик среди деревьев, то клен - это разудалый, слегка разухабистый парень, с буйной копной непричесанных волос, тополь - тонкий, стройный, аристократически изящный и подтянутый рыцарь.

Образ клена наиболее сформирован в поэзии С.ЕСЕНИНА, где он выступает как своего рода лирический герой "древесного романа". Нагляднее всего запечатлелся образ клена как деревенского парня, гуляки, ухажера в стихотворении, ставшем знаменитой песней:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Клен выделяется среди других деревьев своей круглой кроной, похожей на копну волос или на зимнюю барашковую шапку, отсюда и основной мотив уподобления, то первичное сходство, из которого развился

метафорический образ персонифицированного "я-дерева". У Есенина есть как бы заготовки этого образа:

Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

Как будто бы на корточки погреться,
Присел наш клен перед костром зари.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

В этих образах клена выделяются два элемента: "голова" и "ноги" его антропоморфного тела. Клен танцует на одной ноге, приседает на корточки, его развесистая "круглоголовая" крона по контрасту с тонким, в отличие от дуба, стволом вызывает ощущение не мощного стояния, твердого упора, а какого-то жеста - танцующего или приседающего.

Другой устойчивый мотив, связанный с кленом, - зубчатость его листьев, отдаленно напоминающих форму сердца, что делает клен как бы покровителем любви:

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.

(Н.Заболоцкий. "Осенние пейзажи")

Багряный цвет кленового листа увеличивает его сходство с сердцем.
Вспомним А.Ахматову:

Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, -
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

("Под крышей промерзшей пустого жилья...")

Кленовый лист проступает сквозь листы древних любовных
песнопений красным очертанием сердца, как будто на миг переплелись
воедино книга духа и книга природы, изданные под одной обложкой.

То, что кленовые листья своей багряностью и зубчатыми очертаниями
напоминают сердце, первым очень тонко, быть может бессознательно,
запечатлел А.Фет:

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь занять,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

("Опять осенний блеск денницы...")

Это одно из последних стихотворений Фета (7 сентября 1891 года) -
как лист клена, перед тем как упасть, наливается багряным цветом, так

сердце перед кончиной пронизано "болью сладостно суровой". Здесь нет прямого сравнения сердца и листа, но оно дано в форме параллелизма, что увеличивает его ассоциативную емкость.

Это же значение влюбленности, как бы сердечной пронизанности проявляется и тогда, когда оно прямо не связано с формой кленовых листьев:

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.

<...>

Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.

(А.Блок. "Я и молод, и свеж, и влюблен...")

Быть может, образ кленового шатра, широко раскинувшегося над возлюбленной, навеян Блоку известным стихотворением Фета:

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.

У Фета кленовый шатер образует пейзаж, место действия, у Блока он сливается с образом лирического героя, склонившегося над

своей возлюбленной. "Милой головки убор" перекликается с "милым убором" самого клена - опять выступает на первый план та пышность головного убора, которая у Есенина более обиходно сравнивается с "шапкой" ("без ордера тебе апрель // Зеленую отпустит шапку").

С кленом нередко соединяется понятие целомудрия, чистоты. У Фета клен назван "девственным", у Блока - "свежим", у Пастернака - "ни соринки в новых кленах...".

Пословицы и поговорки про клён

Клен да ясень - плюнь да наземь.

Без ветра и кленовый лист не шелохнется.

Клен да береза - чем не дрова, а хлеб да вода - чем не еда.

Если клен «заплакал» - верный признак, что через несколько часов будет дождь.

Если ветви клена дружно склонились в одну сторону, это верно признак того, что рядом находится хорошая водяная жила.

Если у клена листья распускаются позже, чем у березы, то лето будет засушливое.

2.5. Тематическое поле фитонима ИВА

У ивы как поэтического образа много сходного с березой: и ту и другую называют "плакучей" (при обозначении их пород сама наука пользуется для терминологических целей метафорой "плача"). Иногда для создания в стихотворении одной поэтической атмосферы береза и ива упоминаются рядом, например у М.Цветаевой в цикле "Деревья":

Но образ ивы более однозначен, лишен той уравнивающей светлости, которая есть в березе, но он более однотонен, меланхоличен,

однако порой приобретает большую глубину. А.Фет в стихотворении "Ивы и березы", сравнивая эти два дерева, отдает предпочтение ивам. Грустный опущенный вид берез многое говорит сердцу,

Но ива, длинными листьями
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.

Ива ближе всего к поэтам с мягким, мечтательным складом характера, таким, как Жуковский, Фет, Есенин. Хотя, по-видимому, впервые в русской поэзии она упомянута у М.Ломоносова в идиллии "Полидор" (1759):

И тихой Днепр в себе изображает ивы,
Что густо по крутым берегам растут,

- своеобразная прелесть этого дерева оказалась "конгениальна" другому поэту, Жуковскому, который передал ее в элегиях "Сельское кладбище", "Вечер" и "Славянка":

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой...

Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями...

В этих строках уже наметилось многое из того, что в дальнейшем определит поэтический облик ивы: гибкость, трепетность, дремотность, задумчивость, горестность, склоненность.

Такое значение ивы по традиции восходит еще к европейской поэзии средних веков, а затем Возрождения. Самая "знаменитая" ива в мировой литературе та, про которую поет Дездемона, предчувствуя свою кончину: ("Была у ней излюбленная песнь, // Старинная, под стать ее страданью, // Про иву, с ней она и умерла"). Ива - аллегория несчастной девушки, покинутой возлюбленным:

Несчастливая крошка в слезах под кустом
Сидела она у обрыва.
Затянемте ивушку, иву споем.
Ох, ива, зеленая ива.

С ивой связана и гибель Офелии в "Гамлете, принце Датском" Шекспира:

Ей травами увить хотелось иву,
Взялась за сук, а он и подломись,
И, как была, с копной цветных трофеев
Она в поток обрушилась.

Судьба девушки, брошенной возлюбленным и от горя потерявшей рассудок, уже не условно, а напрямую переплетается с судьбой плакучего дерева, склонившегося над водой. Обряжая иву, наподобие майского дерева, Офелия как бы реализует этот обрядовый символ и сама падает в воду с охапками трав и цветов: ива не стала "девицей", но девица поделила судьбу ивы.

Эти шекспировские мотивы повлияли на восприятие ивы в русской поэзии, отразились прямыми реминисценциями у крупнейших поэтов - Фета, Блока, Пастернака. В фетовском стихотворении "Я болен, Офелия, милый мой друг..." как бы слились в одну две ивы из шекспировских пьес "Отелло" и "Гамлет": "Про иву, про иву зеленую спой, // Про иву сестры Дездемоны". Настойчивым рефреном ("Когда случалось петь Дездемоне", "Когда случалось петь Офелии") объединяет героинь одной темой Пастернак в "Уроках английского": "...А жить так мало оставалось, - // Не по любви своей звезде она, - // По иве, иве разрыдалась".

Образ ивы как дерева разлуки, обмана, измены присутствовал и в русских народных песнях. Фольклорное (а не вторично-литературное) происхождение имеет этот мотив в стихах Н.Клюева, где говорится о девушке, повенчавшейся с солнцем, "заглубленной в речном терему"; символом этой женской судьбы, повторившей судьбу Офелии, становится ива:

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальце девка-краса.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем щёк.
Ивы шепчут: "Сегодня с красою
Поменялся кольцом солннопёк...

Вне какой-либо связи с пейзажем, как чистую эмблему, использует образ ивы А.Ахматова. Ива у нее - воплощение одиночества, горестной разлуки, разрыва.

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.

Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

("Память о солнце в сердце слабеет...")

Обычно ива склоняется над рекой - здесь она обрисована на фоне неба своим сквозящим силуэтом, что подчеркивает тему одиночества (см. также "Разрыв"). С образом ивы Ахматова связывает характер своей лирической героини:

Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.

("Ива")

И М. Цветаева в стихах, обращенных к ахматовской "музе плача, прекраснейшей из муз", тонко улавливает эту "ивовую" сущность ее лирической героини: "Не этих ивовых плавающих ветвей // Касаюсь истово, - а руки твоей!"

Ива в русской поэзии означает не только любовную, но и всякую разлуку, горе матерей, расстающихся со своими сыновьями. В облике ивы есть что-то материнское - серебристые пряди, недаром иву зовут "седою". Некрасовское стихотворение "Внимая ужасам войны..." заканчивается параллелизмом в духе народной поэзии:

То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,

Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

В посвящении к поэме "Мороз, Красный нос" Некрасов напоминает сестре, что она провидчески связала посаженную матерью иву с ее горькой судьбой:

И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

Близок некрасовскому и образ ивового вдовства у Пастернака:

Где ива вдовый свой повойник
Клонила, свесивши в овраг...

("Весенняя распутица")

В этом же значении образ ивы выступает и как обобщение национальной судьбы, знаменуя грусть и горесть родимой земли. У С.Есенина:

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

("Исповедь хулигана")

У Н.Рубцова:

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!

("Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...")

Пословицы и поговорки про иву

- Вербна красна бьет напрасно; верба бела бьет за дело.
- Где вода, там верба, где верба, там и вода.
- Дождешься, как от вербы яблок.
- От ивы яблоко не родится.
- Если вербная неделя ведряная, с утрениками, то яри хороши будут.
- Ива рано инеем покрылась – к долгой зиме
- Когда с ивы и с лозы пух летит, сей поздний овес.
- Коли ива рано по осени покрылась инеем, то будет протяжная весна.
- Кто вербу посадит, сам на себя заступ готовит, умрет, когда из вербы можно будет вытесать лопату.
- На вербной мороз - яровые хлеба хороши будут.
- Накануне Вербного воскресенья Святой Лазарь за вербой лазил.
- Не верба бьет, старый грех.
- Немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся!
- Он сказывает на вербе грушу, врет.

Заключение

В работе нами были описаны и исследованы группы фитонимов современного русского языка (с доминантами *берёза, дуб, липа, клён, ива, осина*).

Данные, полученные в результате анализа этих групп, показали, что данные фитонимы занимают важное место в русской языковой картине мира.

Нами были исследованы и изучены лексико-семантические и ассоциативные связи данных фитонимов. Каждый из названных выше фитонимов образует сложное по своей образности лексико-тематическое поле.

Считаем, что очень перспективным может стать сопоставительный аспект изучения и описания функционирования фитонимов в разных языках, с точки зрения носителей разных лингвокультур.

Библиографический список

1. Анализ художественного текста// под ред. Н.М.Шанского. – М., 2002
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1997
3. Гельгардт Р.Р. Теоретические основы исследования стиля художественной речи. – Калинин, 1987
4. Лотман Ю.М. Анализ художественного текста. – Л., 1972
5. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.,1988
6. Шмелёв Д.Н. Слово и образ. – М.,2013
7. Чехов А.П. Рассказы. – М., 2009